

УДК 124.3

БЕССМЕРТИЕ КАК ПРОЕКТ: СМЕРТЬ И БЕССМЕРТИЕ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ ГУМАНИСТИЧЕСКОГО И ТРАНСГУМАНИСТИЧЕСКОГО ТИПОВ МИРОВОЗЗРЕНИЯ

И.В. Дёмин

Самарский государственный аэрокосмический университет им. академика С.П. Королева
(национальный исследовательский университет), Самара, Россия

Ilyadem83@yandex.ru

Аннотация

В статье проводится сравнительный анализ представлений о смерти и бессмертии в контексте гуманистического и трансгуманистического типов мировоззрения. Выявляются особенности интерпретации идеи бессмертия в философии русского космизма и в современном трансгуманизме («бессмертие» предстаёт здесь в качестве проекта и цели человеческого существования). Проводятся параллели между христианской и трансгуманистической трактовками идеи бессмертия.

Ключевые слова: гуманизм, трансгуманизм, христианство, русский космизм, мировоззрение, смерть, бессмертие, кибернетическое бессмертие, проект, цель.

Введение

Актуализация вопроса о смерти и бессмертии человека в контексте современных мировоззренческих дискуссий связана, прежде всего, с возникновением и распространением трансгуманистических идей. Трансгуманизм представляет собой новое мировоззрение, которое усматривает главную (конечную) цель человеческих устремлений в преодолении природной обусловленности человека, символом и квинтэссенцией которой выступает смерть, смертность человеческого существа. Трансгуманизм актуализирует многие идеи, сформулированные в русском космизме и в целом ряде других философских и религиозно-философских учений (в т.ч. в «христианском эволюционизме» Тейяра де Шардена).

Вопрос о смерти, как это неоднократно отмечалось в философской и религиозной литературе, находится в центре всякого мировоззрения. Протоиерей Александр Шмеман писал: «В конечном итоге, отношение человека к жизни, то, что мы называем его мироощущением или мировоззрением, определяется на глубине его отношением к смерти» [1]. С вопросом о смерти неразрывно связан и вопрос о бессмертии. По сути, здесь не два вопроса, но один. И этот вопрос о смерти и бессмертии человеческого существования является своего рода «пробным камнем» для всякого мировоззрения.

1 Понимание смерти и бессмертия в контексте гуманистического мировоззрения

Трактовка смерти и бессмертия в светском или секулярном гуманизме, в конечном счёте, вытекает из характерного для этого мировоззрения понимания *жизни*. В системе ценностных координат секулярного гуманизма высшей ценностью выступает *человек* (личность), а не *жизнь*. В.А. Кувакин пишет об этом: «Приоритетна не жизнь а человек, поскольку именно личность есть, личность живет, личность существует, тогда как *жизнь, какой бы значимой и ценной она ни казалась, есть не более чем способ бытия личности как обладателя, владель-*

ца жизнью, ее хозяйина и властелина, хотя это и не исключает возможности превращения властелина в раба жизни» [2, с. 184] (курсив мой – И.Д.). Заметим, что такое понимание соотношения жизни и её «носителя» (то есть *личности*) является радикально *антихристианским*. В христианстве человек – не *собственник* своей жизни, а лишь её *управитель, устроитель и распорядитель*. Отсюда, кстати, и радикальное неприятие самоубийства в христианстве. Самоубийство – это дерзкая и самонадеянная попытка человека присвоить то, что ему не принадлежит, то, что *даровано* Богом.

Если человек есть *хозяйин и властелин* жизни, то он может распоряжаться ею по своему усмотрению, в том числе и *прекратить её*, коль скоро она не оправдала возложенных на неё надежд или стала в тягость. «Мы с полным правом можем сказать, – пишет В.А. Кувакин, – что если человек живет, то он хозяйин своей жизни. Хороший или плохой, полноправный или нет, но он – пока жив – ее владелец» [2, с. 185]. Христианская же точка зрения состоит в том, что если человек живёт, то он живёт с Богом, в Боге и благодаря Богу, так как Бог – это и есть Жизнь или Бытие.

Жизнь, осмысленная в секулярном гуманизме как *собственность* личности, всегда *конечна*. Наиболее ярко конечность и ограниченность собственной (то есть *находящейся в собственности* у личности) жизни проявляется в феномене *смерти*: «у жизни есть свои пределы. За ее пределами – смерть» [3]. Как понимается *смерть* в секулярном гуманизме? Смерть – это «естественный конец всякого живого существа, в том числе и человека» [2, с. 185]. «Отличие смерти от всякого другого явления в живой природе состоит в том, что мы не можем рассказать о ней “изнутри”, из состояния смерти, либо, будучи за ее чертой, сообщить о ней кому-то из живущих, то да как нам кажется, что если бы мы знали о том, что такое смерть, то получили бы какое-то совершенно уникальное знание и, возможно, обрели бы не только знание смерти, но и само бессмертие» [2, с. 192].

Гуманизм признаёт *естественность*, а, следовательно, и *необходимость* смерти. Смерть – это *атрибутивная характеристика* всякого человеческого существования и, в целом, всякой жизни, всего живого. Живёт то, что смертно. То, что не умирает и не может умереть, то и не живёт. Такова устоявшаяся формула, ставшая для многих философских направлений чем-то само собой разумеющимся. В гуманистическом мировоззрении эта идея находит, пожалуй, наиболее полное своё выражение.

В секулярном гуманизме смерть, по сути, становится *мерой* человеческой жизни. Человек существует и осознаёт себя в качестве человека всегда и только *перед лицом смерти*. Человек способен ощутить себя живущим, лишь постольку, поскольку он знает о своей смертности. «Интеграция смерти – через ее особое ощущение, переживания и осознание – в человеческую жизнь делает человека носителем особого качества, которое условно можно обозначить как смертность. Несмотря на то, что объект этого качества никогда не дан жизни и находится с ней в отношении абсолютной несовместимости, смерть особым образом входит в человека, играя в жизни каждого из нас огромную роль. *Обрамляя своей ослепляющей темнотой пространство жизни, смерть, как кажется, невольно, не желая того, придает ей особую ценность, яркость, особенную уникальность и прелесть*; жизнь становится для нас особенно дорогой и близкой, заслуживающей уважения и высокой оценки хотя бы потому, что она – не смерть, а *антисмерть* и что ее можно утратить» [2, с. 194] (курсив мой – И.Д.).

В конечном счёте, если смерть и не есть то, что *придаёт* жизни смысл и ценность, то, во всяком случае, можно сказать, что только *конечная*, то есть *смертная* жизнь может обладать для человека ценностью. Ведь жизнь – это *ресурс*, находящийся в собственности и в распоряжении личности, и этот ресурс ценен лишь потому, что он *ограничен*. Мы «ценим» жизнь, дорожим ею лишь потому, что она *конечна, смертна*. «Гуманизм превращает смерть в осо-

бого рода ценность, заставляет ее служить жизни и достоинству человека, превращает эту разрушительную силу в последний всплеск жизни непобедимого человека. Умереть по-человечески – это значит быть и оставаться человеком до конца» [2, с. 195]. Поэтому «психология гуманизма включает в себя элементы трагизма, стоицизма и героизма перед лицом смерти» [2, с. 195].

В.А. Кувакин в своей трактовке смерти приводит тезис, который часто встречается в экзистенциально ориентированной философии: смерть есть то, что делает жизнь именно *нашей* жизнью, именно через смерть, через осознание своей смертности мы осознаём жизнь как проявление и творение *нашей* личности. И через это смерть приобретает для нас особую ценность: «Смерть заставляет нас лучше понимать жизнь, заставляет безоглядно бросаться в ее объятия, и вместе с тем вырабатывать к ней особенно острое и проникновенное, точнее, сокровенное отношение. Жизнь осознается теперь как не гарантированная нам абсолютным образом, она становится «альтернативной», так как у нее появляется соперник и «антидублер». Теперь мы не просто живем, а выбираем жизнь, становящуюся не безликим жизненным потоком, а обоснованной нами, нашим выбором, т.е. нашей свободой. Теперь это наша жизнь» [2, с. 194-195].

Наиболее отчетливо несовместимость гуманистического понимания жизни и смерти с христианским мировоззрением проявляется, пожалуй, в фундаментальной для гуманизма идее *права человека на жизнь и смерть*. Человек в секулярном гуманизме, с самого начала понимается как субъект, *обладающий неотъемлемым правом на жизнь* и, следовательно, на её прекращение (то есть *смерть*). «Отношения человека со смертью, – пишет В.А. Кувакин, – важная часть его жизни, и она имеет особую и благоую ценность. В том числе и связанную с правом человека на жизнь и на смерть, т.е. с его правом приоритетного распоряжения своею жизнью в полном ее объеме и временных рамках» [2, с. 197]. В горизонте христианского миропонимания сама идея «права человека на жизнь и смерть» представляется кощунственной: жизнь – это *дар* Бога человеку, а не собственность и неотъемлемое право личности.

Коль скоро смерть в контексте секулярного гуманизма рассматривается как *естественный конец человеческого существования*, как атрибутивная характеристика человека и как фактор, обуславливающий ценность самой человеческой жизни, то вполне закономерно, что *бессмертие* предстаёт здесь в качестве *самообмана*, вредной *иллюзии*, препятствующей полноценному человеческому бытию. «Гуманист считает, что доктрина бессмертия практически нереалистична и даже вредна. Она произрастает из страха и одержимости идеей смерти. Тот, кто верит в бессмертие, концентрирует свое внимание на смерти, но он старается отвергнуть ее устрашающую реальность. Для гуманиста это означает, что страх перед лицом конечности, смерти делает человека неспособным видеть жизнь такой, какова она есть на самом деле» [4]. Такой ход мысли основан на убеждении в том, что именно секулярный гуманизм приемлет жизнь такой, какова она «на самом деле», тогда как, например, религиозное сознание предпочитает иллюзии, центральной и наиглавнейшей среди которых, несомненно, является иллюзия бессмертия.

Книга одного из наиболее значительных представителей светского гуманизма, К. Ламонта, так и называется – «Иллюзия бессмертия». «Знание того, что бессмертие есть иллюзия, освобождает нас от всякого рода озабоченности по поводу смерти. Это знание делает смерть в каком-то смысле неважной, оно освобождает всю нашу энергию и время для осуществления и расширения счастливых возможностей на этой доброй земле. Оно порождает сердечное и благодарное принятие богатого опыта, доступного для человеческой жизни среди изобильной природы. Это знание приносит человеку силу, глубину и зрелость, оно делает возможной простую, понятную и вдохновляющую философию жизни» [5, с. 285]. Опыт человеческого существования не подтверждает эту мысль К. Ламонта: «знание» о том, что

бессмертие есть иллюзия, вовсе не освобождает человека от страха смерти. Скорее, наоборот, такого рода «знание» *усугубляет* наш страх. Следует обратить внимание, что о *знании* в строгом смысле слова здесь, конечно же, говорить нельзя. Подобно тому, как религиозная вера в бессмертие души не является *знанием* о бессмертии, так же и утверждение секулярного гуманизма «бессмертие есть иллюзия» нельзя считать *знанием в строгом смысле слова*. Это не знание, а исходная мировоззренческая *презумпция*.

Острые критики секулярного гуманизма направлены не столько против *идеи* бессмертия, сколько против *веры* в бессмертие, а сама эта критика представляет собой не что иное, как выявление психологической и/или социокультурной подоплёки этой веры.

В секулярном гуманизме критика веры в бессмертие, разоблачение этой веры как иллюзии опирается на понимание смерти как *неизбежности*. «Экзистенциальная коллизия, – пишет П. Куртц, – состоит в том, что каждому придется умереть; и хотя большую часть жизни каждый волен не обращать на это внимания, он не может, в конце концов, избежать смерти. Даже в тот момент, как человек родился, он уже достаточно прожил, чтобы умереть» [4]. Практически ту же самую мысль о неизбежности смерти приводит и В.А. Кувакин в своей книге: «Особенность смерти ... в том, что еще никто не сумел ее избежать, хотя практически каждый человек живет по большей части так, как если бы для него, именно для него, смерти не существовало. И наоборот, мы живем, несмотря на то, что время от времени чувствуем неотвратимость своей смерти» [2, с. 195]. Смерть *неизбежна*, независимо от того, признаёт и замечает это человек или нет, а потому вера в бессмертие есть иллюзия и самообман.

Обратим внимание на две характеристики смерти в секулярном гуманизме, которые весьма плохо согласуются друг с другом. С одной стороны смерть характеризуется как *естественный* конец всякой (в том числе и человеческой) жизни, с другой стороны, смерть определяется как *неизбежность*, с которой рано или поздно столкнётся каждый человек. Первая характеристика является *метафизической*, вторая – *оценочной*. Смерть в одно и то же время является и атрибутивной характеристикой человеческого существования, и «печальным фактом», некоей изначальной данностью, перед которой человек вынужден смириться. В этом смысле *смерть* радикально отлична от иных сущностных характеристик человеческого существования. Так, мы не говорим о *сознании*, что оно является «неизбежностью», мы не говорим о *языке*, что он является «неизбежностью», хотя и «сознание» и «язык» – это сущностные «параметры» человеческого бытия.

О смерти же мы говорим: *она неизбежна*. Однако уже само полагание смерти как *чего-то неизбежного* выдаёт в человеке подспудное *несогласие с ней*. Ведь мы можем характеризовать смерть как *неизбежность* только в горизонте возможного *преодоления* этой неизбежности, только если в нас есть стремление её *избежать*.

Смерть либо *естественна*, либо *неизбежна*. Следует признать что-то одно. Если смерть *естественна*, если она есть атрибут, сущностная характеристика нашего *естества*, тогда нелепа сама мысль о возможности её избежать и, соответственно, некорректна характеристика смерти как *неизбежности*. Если же смерть понимается как *неизбежность*, то она сразу же попадает в поле *человеческой активности* и «*заинтересованности*». Неизбежность чего-либо мы всегда констатируем с грустью и/или с тайной надеждой при благоприятных условиях это изменить, *избежать неизбежности*.

Секулярный гуманизм предостерегает от *недолжного* отношения к смерти, но сущность смерти в контексте этого мировоззрения остаётся не до конца прояснённой: «Гуманизм, – пишет В.А. Кувакин, – с самого начала предостерегает от двух одинаково антигуманных, деструктивных и экстремальных отношений человека к смерти, от некрофильства и некрофобии. В конечном счете и любовь к смерти и всепоглощающий страх перед ней суть патологические состояния личности, когда разум и сознание человека парализуются, разрушаются

и он поглощается каким-либо из двух этих специфически наполненных чувств, практически выходя из жизни уже при жизни» [2, с. 195]. Каково же *должное* отношение к смерти (к нашей собственной смерти и к смерти других людей)? Принять её как *данность*, как некий *фон* нашего существования, смириться перед *фактом* смерти? Но что-то в человеческом существе постоянно противится такому пониманию смерти: человек не может, не считает себя вправе смиряться перед лицом смерти и отказывается принимать её как данность, как некое исходное «условие игры», что и находит своё выражение, в частности, в разговорах о «неизбежности смерти».

Проблема смерти и бессмертия – это пробный камень для секулярного гуманизма. Мнимое смирение новоевропейского субъекта перед своей собственной *внутренней* природой, то есть перед фактом собственной смерти – это оборотная сторона насилия над природой *внешней*. «Пассивность» перед лицом смерти – это изнанка гуманистического самовозвеличивания человека.

Неспособность предложить адекватное решение ключевой, важнейшей мировоззренческой проблемы, проблемы смерти, высвечивает несостоятельность, *тупиковость* этого мировоззрения в условиях современной цивилизации. Попытка предложить выход из глобального тупика, опираясь на секулярное гуманистическое мировоззрение и антропоцентристское понимание человека, заранее обречена на неудачу.

2 Трактовка смерти в философии русского космизма и в трансгуманизме. Бессмертие как проект и цель

Вопреки тому, что утверждают сторонники секулярного гуманизма, *желание бессмертия* и стремление преодолеть смерть укоренены не в тех или иных исторически и социально обусловленных *формах культуры* (см. об этом в [5]), но в самой *структуре человеческого бытия*. Тяга к бессмертию проистекает из исходной и фундаментальной способности человека к *самотрансцендированию*, к преодолению наличных условий, форм и границ своего существования. Человек, говоря словами Ж.-П. Сартра, есть «*проект самого себя*» [6]. Стремление к бессмертию *имманентно* самому человеческому бытию и, в сущности своей, не зависит от социально-культурного контекста. Это *экзистенциальный* феномен, инвариантный по отношению к различным социокультурным условиям.

Какое мировоззрение в наибольшей степени выражает экзистенциальную потребность человека не просто в *вере в бессмертие*, но и в реальном его *достижении*? С некоторой долей условности это мировоззрение можно обозначить как «*трансгуманизм*».

Ключевая идея трансгуманистического мировоззрения и стратегическая цель трансгуманистического проекта – это преодоление биологической обусловленности человеческого существования и преодоление смерти (достижение *кибернетического бессмертия*). «Преодоление биологической обусловленности» и «кибернетическое бессмертие» теснейшим образом связаны между собой: человек смертен, поскольку субстратом его существования, субстратом его *личности* (сознания, разума) выступает *биологический организм*. Человек смертен в силу и вследствие своей «биологической природы». *Преодоление биологической обусловленности* (под которым, как правило, понимается перенос сознания/личности/разума на небιологический носитель/субстрат, то есть *кибернетическое бессмертие* (см. об этом в [7, 8])) – это задача одновременно и более широкая, и более узкая, чем задача *преодоления смерти*. В любом случае, речь идёт о радикальном изменении, преобразении, трансформации самой природы человеческого существа. В этом – суть трансгуманистического мировоззрения и трансгуманистического проекта будущего.

Как понимается *бессмертие* в контексте трансгуманизма? Как соотносится «кибернетическое бессмертие» с имеющимися в европейской культурной традиции трактовками бессмертия? На какую философскую и/или религиозную модель опирается трансгуманистический проект кибернетического бессмертия?

Релевантным контекстом для обсуждения различных вопросов трансгуманистического мировоззрения, теоретического осмысления трансгуманистического проекта кибернетического бессмертия выступает *русский космизм*, прежде всего, религиозно-философское его направление (Н.Ф. Фёдоров, В.Н. Муравьев, Н.А. Сетницкий, А.К. Горский и др.; подробнее об этом см. в [9]).

Уникальность философского учения Н.Ф. Фёдорова и русского космизма в целом заключается в том, что никогда прежде в философии и религии *преодоление смерти*, то есть *обретение бессмертия*, не рассматривалось в качестве *проекта* и *цели* человеческого существования. «Бессмертие» понималось либо как уже имеющееся у нас (нашей «души») качество, либо как то, что надлежит «заслужить» человеку в своей смертной жизни, либо как иллюзия. Все эти три варианта понимания бессмертия в различных религиозных и философских традициях, впрочем, не исключают друг друга: душевная жизнь, *потенциально* бессмертная через приобщение к Богу, должна прийти к бессмертию *актуальному* (то есть к *сверхвременности*), но при этом человека на протяжении всей его жизни сопровождает страх смерти (то есть окончательного исчезновения) и подозрение, что бессмертие есть «всего лишь иллюзия».

В русском космизме и в трансгуманизме речь идёт не о *вере в бессмертие*, но о его *практическом достижении*. Бессмертие с самого начала полагается как проект и цель. Но должны ли мы вслед за А.В. Турчиным признать, что бессмертие обречено *всегда* оставаться *только проектом*? Можем ли мы согласиться с тем, что «бессмертие всегда существует только потенциально, и за него всегда нужно бороться, так что задача борьбы со смертью всегда актуализована» [10]? Бессмертие – это только и всегда *проект*? Или же оно может в определённом смысле стать «действительностью»? Если бессмертие *всегда* потенциально, тогда оно есть только *обманка* или, в лучшем случае, *ориентир* для наших действий, оно не может быть *проектом* и *целью* в строгом смысле слова. Но и бессмертие как *действительность* и *факт* человеческого существования мы также не можем помыслить и принять. Ведь мы ничего не можем сказать о бессмертии *как таковом*. Мы не можем содержательно описать это бессмертное существование, выявить его сущностные характеристики (единственный путь уяснения существа бессмертия – это путь *апофатический*). Это связано с тем фундаментальным обстоятельством, что философия, религия, наука и все прочие формы человеческого самосознания знают человека как *подверженного смерти, уязвимого, конечного, ограниченного*. О бессмертном, неподверженном смерти, то есть *неуязвимом*, существовании им принципиально нечего сказать.

Неразрешимость этой дилеммы имплицитно указывает на то, что сам вопрос о «потенциальности»/«актуальности» бессмертия сформулирован некорректно. Данный вопрос проистекает из превратного понимания соотношения между «проектом» (целью) и «действительностью» и превратного понимания самой сущности *проекта* и *проектирования*. Бессмертие (то есть *бессмертное бытие*), равно как и *смертное существование*, никогда не может быть простым *фактом*. Бессмертие – это всегда *выбор* и *решение, которое всякий раз нужно возобновлять и подкреплять*. Бессмертие – это решение и выбор *существующего* человека, а не награда за заслуги или простое «свойство» человеческого существования. Но и *смертность* в глубочайшем и предельном смысле – это тоже *выбор* человеческого существа, а не простая данность или «наказание». Н.Ф. Фёдоров гениально выразил эту мысль, сказав, что *всякая смерть, по сути своей, есть убийство или, во всяком случае, допущение убийства*.

Фёдоров полагал, что стремление человека к бессмертию органически вытекает из *осознания им своей смертности*. На этой аксиоме, на этой исходной очевидности в конечном счёте и основывается всё здание его «проективной философии»: «Действие, происходящее из сознания смертности (ограниченности и временности), есть стремление к бессмертию» [11, с. 252].

Бессмертие в философии Н.Ф. Фёдорова и в современном трансгуманизме полагается как цель, *принципиально достижимая* для человека. Однако пока человек существует как человек, он никогда этой цели ещё не достиг. Бессмертие – это задача, которая *всегда*, поскольку человек вообще существует, сохраняет свою актуальность. Весь пафос трансгуманизма и космизма заключается в стремлении утвердить «бессмертие» в качестве *цели* и *проекта* человеческого существования.

Подлинное человеческое существование – это бессмертное существование, но «подлинность» не есть раз и навсегда обретенное качество, «подлинность» нуждается в постоянном *утверждении и подтверждении*. Бессмертие нельзя мыслить как статичное, завершённое состояние, но именно бессмертие есть *высшая и конечная цель*. Бессмертие – это всегда *проект* и *задача* и мыслимо оно лишь в этом своём качестве. Это значит, что человек никогда не сможет сказать, что он «*достиг* бессмертия», что бессмертие перестало быть его *задачей* и стало *фактом* его существования, но в его силах сделать бессмертие *целью* и *проектом* своих действий и продвинуться сколь угодно далеко в достижении этой цели, в реализации этого проекта.

Классическая философская традиция утверждала: человек есть тот, кто *знает* о своей смерти. В космизме и в трансгуманизме формируется новое понимание человека: *человек есть тот, кто стремится к бессмертию, к победе над смертью*. Человек не смертен, он *подвержен риску смерти*. Человек не бессмертен, но у него есть возможность идти по пути обретения бессмертия. Точнее, сам человек в своём бытии – это и есть *возможность бессмертия*.

Размывание, стирание границы между *смертным* и *бессмертным*, смертью и бессмертием – это необходимая предпосылка для осмысления бессмертия в качестве проекта и цели. Здесь следует учесть, что когда речь идёт о человеческом бытии, само различие между количественными изменениями и качественными различиями, само различие между *относительным* и *абсолютным* релятивизируется, становится *относительным*. Поэтому достигаемое на пути к бессмертию *расширение границ и возможностей человеческого существования* – это не просто *количественное* изменение, происходящее исключительно в эмпирической плоскости, это *также и* переход на новый уровень, обретение нового *качества* существования, это трансформация самой структуры человеческого существования. Переход на новый уровень есть одновременно и *количественное*, и *качественное* изменение. Однако и сам этот переход и его понятийная фиксация возможны лишь в том случае, если бессмертие *уже* осмыслено человеком в качестве *цели* и *проекта*.

3 Сходства и различия христианской и трансгуманистической трактовки идеи бессмертия

Точка зрения русского космизма и трансгуманизма по вопросу о бессмертии находится в стороне от магистрального для новоевропейской культурной традиции спора между религией и секулярным гуманизмом. Как это ни парадоксально, но, когда речь идёт о принципиальных вопросах, эти крайние позиции часто сходятся. Так, ни в религиозном мировоззрении, ни в гуманистическом бессмертие не выступает в качестве *проекта* и *цели*. Религия не призывает человека *стремиться* к бессмертию. Душа человека *уже обладает* бессмертием, и речь может идти лишь о *качестве* обретаемой человеком вечности (вечная жизнь или вечное

небытие). Стремиться поэтому следует не к *бессмертию*, не к бессмертно му бытию, но к «спасению души».

Религия толкует не столько о бессмертии, сколько о *послесмертии* и *вечности*. Протоиерей А. Шмеман писал: «Вопрос о религии, о Боге, о вере неотделим в человеческом сознании от вопроса о смерти. Или, вернее, от вопроса о том, есть ли что-нибудь после смерти или нет» [1]. Проблема смерти в горизонте религиозного миропонимания с самого начала предстаёт как проблема *послесмертия*. И религиозное, и секулярное гуманистическое мировоззрения в равной степени *санкционируют* смерть, *необходимость* и *неизбежность* смерти для всякого человеческого существа. И хотя необходимость смерти в религиозном мировоззрении и в секулярном гуманизме объясняется и обосновывается по-разному, но общим и непреложным остаётся постулат: *рождённый обречён умереть*.

Русский космизм в лице своих основных представителей позиционирует себя как *христианскую* философию. Многие идеи трансгуманизма также перекликаются с христианским вероучением. Проведём некоторые параллели между *христианским* пониманием смерти и бессмертия и *трансгуманистическим*.

Прежде всего, нужно отметить, что христианское понимание смерти и бессмертия стоит особняком среди других религиозных и философских учений. Определяющей для христианского понимания смерти выступает идея *воскресения*, а не идея *бессмертия души*: «Христос говорил совсем не о бессмертии души, он говорил о воскресении мертвого! И как не видеть, что между двумя этими явлениями существует целая пропасть! Ведь если дело только в бессмертии души, тогда и смерти никакой нет, зачем тогда все эти слова о победе над ней, о разрушении ее и о воскресении?» [1].

Смерть в христианстве есть результат *поврежденности* человеческой природы (то, что иногда неудачно обозначают как «первородный грех»). Смерть – это главный враг и этот враг был побеждён воскресением Христа. Смерть в христианстве, как отмечает А. Шмеман, «перестает быть естественным, натуральным явлением, вскрывается как нечто недолжное, противоестественное, страшное и уродливое, провозглашается врагом» [1]. Человек в христианском его понимании – это единство тела, души и духа, это одушевленное тело и воплощенный дух, и потому «всякое разделение их, и не только последнее – в смерти, но и до смерти, всякое нарушение их единства есть зло, есть духовная катастрофа» [1].

Смерть в христианстве, как и во многих иных религиях, – это «отделение души от тела». Но это отделение рассматривается не как «освобождение души из темницы тела», но как *трагедия*, как нечто *недолжное*, но в то же самое время и *неизбежное*: «теряя тело, отделяясь от тела, душа, в сущности, теряет жизнь, умирает, даже если это умирание души есть не полное исчезновение, а усение, или сон... Всякий сон, а не только сон смерти, есть некое умирание организма, ибо во сне спит и бездействует именно тело, и вот нет тогда жизни, кроме призрачной, нереальной, нет ничего, кроме сна» [1]. Смерть есть *сон* или *усение* души, но этот сон не вечен. Душа должна воскреснуть и её воскресение суть не что иное как *обретение новой преображённой телесности*. Душа обретает подлинное актуальное бессмертное бытие через воскресение: «Христианство учит о грядущем всеобщем воскресении, когда благодаря страданиям и Воскресению Христовым природа человека восстанет исцеленной, славной, духоносной. Однако для получения новой плоти каждому человеку необходимо сбрасывание кожаных риз – смерть тела» [12].

Сходство христианского понимания смерти и трансгуманистического (в широком значении этого термина, включая сюда и русский космизм) мы усматриваем в следующем:

- смерть – это следствие несовершенства, изначальной поврежденности человеческого тела, организма (субстрата человеческого существования); человек смертен, *поскольку смертно его тело*;

- смерть обусловлена природой: человек смертен, *поскольку он часть природы* и поскольку он несёт природу в себе;
- смерть «природна», но *не естественна*; напротив, смерть есть нечто недолжное и *противоестественное*;
- бессмертие обретается через воскресение, под которым понимается не «освобождение от тела», но *преобразование телесности*, трансформация тела как субстрата человеческого существования.

Если сходство трансгуманизма и христианства проявляется, главным образом, в понимании смерти, то в трактовке бессмертия христианство и трансгуманизм существенно расходятся:

- в христианстве *земное* человеческое существование не может быть бессмертным, земная жизнь смертна, она с необходимостью обречена на смерть, трансгуманизм же ориентирован на достижение бессмертия именно в *этой* жизни и в *этом* мире (хотя и преобразённом);
- с некоторыми оговорками можно сказать, что в христианстве *бессмертие* – это данность, в трансгуманизме же бессмертие – это задание, цель и проект;
- воскресение, через которое обретается *актуальное* бессмертие, понимается в христианстве как воскресение *трансцендентное*, оно совершается Богом *за пределами земного человеческого существования*; в трансгуманизме же преобразование и преобразование человеческой телесности мыслится как *дело самого человека*, оно *имманентно* земному человеческому бытию. В этом, пожалуй, и заключается наиболее глубокое расхождение космоизма и трансгуманизма с ортодоксальным христианством.

Заключение

Трансгуманизм, несомненно, разделяет характерную для светского гуманизма «веру в человека», но источники и характер этой «веры» в гуманизме и в трансгуманизме различны. Да и само понимание сущности человека в гуманизме и в трансгуманизме далеко не одинаково. Наиболее отчётливо это различие проявляется в вопросе о смерти. Секулярный гуманизм рассматривает смерть как атрибутивную характеристику человеческого существования. Смерть *естественна* и *неизбежна*, а бессмертие – *иллюзия* и *самообман*. В секулярном гуманизме бессмертие с самого начала полагается как предмет *веры*, «разоблачается» именно *вера* в бессмертие. В трансгуманизме же вопрос о смерти ставится радикально иначе. Бессмертие здесь понимается в качестве *цели* и *проекта* человеческого существования. Такая трактовка бессмертия становится возможной благодаря новому пониманию сущности и природы человека. Человек в трансгуманизме изначально не смертен и не бессмертен, он *подвержен смерти*, то есть разрушению, уязвим для смерти, но, в то же время, он способен поставить перед собой цель преодолеть границы собственной уязвимой природы и обрести новое качество существования.

Список источников

- [1] **Шмеман, А.** Цикл бесед о христианском понимании смерти / А. Шмеман http://www.golubinski.ru/ecclesia/shmeman/o_smerti.htm (Актуально на 28.05.13).
- [2] **Кувакин, В.А.** Твой рай и ад. Человечность и бесчеловечность человека: Философия, психология и стиль мышления гуманизма / В.А. Кувакин. – СПб.: «Алетейя», – М.: «Логос», 1998. – 360 с.
- [3] **Борзенко, И.М.** Основы современного гуманизма / И.М. Борзенко, В.А. Кувакин, А.А. Кудишина. – М.: Российское гуманистическое общество, 2002. – 350 с.
- [4] **Kurtz P.** The transcendental temptation: a critique of religion and the paranormal, Prometheus Books publ., 1991, 516 p.

- [5] *Ламонт, К.* Иллюзия бессмертия / К. Ламонт. – М.: Политиздат, 1984. – 288 с.
- [6] *Сартр, Ж.-П.* Экзистенциализм – это гуманизм / Пер. с фр. М. Грецкого / Ж.-П. Сартр // Сумерки богов. – М.: «Политиздат», 1989. – С. 319-344.
- [7] *Дубровский, Д.И.* Кибернетическое бессмертие. Фантастика или научная проблема? / Д.И. Дубровский // Взгляд. 25 октября 2012.
- [8] *Турчин, В.* Кибернетический манифест / В. Турчин, К. Джослин <http://www.refal.net/turchin/phenomenon/cybernetic-manifesto.htm> (Актуально на 28.05.13).
- [9] *Дёмин, И.В.* Гуманизм и трансгуманизм: проблема соотношения / И.В. Дёмин // Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция. Под ред. проф. Д.И. Дубровского. – М.: ООО «Издательство МБА», 2013. – С. 193-202.
- [10] *Турчин, А.В.* Бессмертие / А.В. Турчин, М.А. Батин. Версия 870 – 20 октября 2013 г. <http://ru.scribd.com/doc/Bessmertie> (Актуально на 28.05.13).
- [11] *Фёдоров, Н.Ф.* Собрание сочинений: В 4-х тт. Том II / Н.Ф. Фёдоров. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. – 544 с.
- [12] *Осипов, А.* Посмертная жизнь. Беседы современного богослова / А. Осипов. <http://www.wco.ru/biblio/books/osip17/H09-T.htm> (Актуально на 28.05.13).

IMMORTALITY AS A PROJECT: DEATH AND IMMORTALITY OF MAN IN THE CONTEXT OF HUMANISTIC AND TRANSHUMANIST TYPES OF WORLDVIEW

I.V. Demin

*Samara State Aerospace University named after academician S.P. Korolyov
(National Research University), Samara, Russia
Ilyadem83@yandex.ru*

Abstract

The article presents a comparative analysis of the representations of death and immortality in the context of humanistic and transhumanist types of worldview. The particular interpretations of the idea of immortality in the philosophy of Russian cosmism and modern transhumanism («immortality» appears here as a project and the goal of human existence) are identified. The parallels between Christian and transhumanist interpretations of the idea of immortality are drawn.

Key words: *humanism, transhumanism, Christianity, Russian cosmism, worldview, death, immortality, cyberspace immortality, project, goal.*

References

- [1] *Shmeman A.* Tsikl besed o khristianskom ponimanii smerti [Cycle of conversations about the Christian understanding of death]. http://www.golubinski.ru/ecclesia/shmeman/o_smerti.htm. (In Russian)
- [2] *Kuvakin V.A.* Tvoj raj i ad. Chelovechnost' i beschelovechnost' cheloveka: Filosofiya, psikhologiya i stil' myshleniya gumanizma [Your heaven and hell. Humanity and inhumanity of man: Philosophy, psychology and thinking style of humanism]. Moscow: LOGOS publ., 1998, 360 p. (In Russian)
- [3] *Borzenko I.M., Kuvakin V.A., Kudishin A.A.* Osnovy sovremennogo gumanizma [Foundations of modern humanism]. Moscow: Russian humanitarian society publ., 2002, 350 p. (In Russian)
- [4] *Kurtz P.* The transcendental temptation: a critique of religion and the paranormal, Prometheus Books publ., 1991, 516 p.
- [5] *Lamont K.* Illyuziya bessmertiya [Illusion of immortality]. Moscow: Politizdat publ., 1984, 288 p. (In Russian)
- [6] *Sartre J.-P.* Existentialism and humanism, translated from French by M. Gretzky. Moscow: Politizdat publ., 1989, pp. 319-344. (in Russian)
- [7] *Dubrovskij D.I.* Kiberneticheskoe bessmertie. Fantastika ili nauchnaya problema? [Cybernetic immortality. Fiction or scientific problem?] Vzglyad newspaper, 25 October 2012. (in Russian)
- [8] *Turchin A.V., Dzhoslin, K.* Kiberneticheskij manifest [Cybernetic manifesto]. <http://www.refal.net/turchin/phenomenon/cybernetic-manifesto.htm> (accessed 28.05.2013). (in Russian)

- [9] **Demin I.V.** Gumanizm i transgumanizm: problema sootnosheniya [Humanism and Transhumanism: the problem of correlation]. Global'noe budushhee 2045. Konvergentnyye tekhnologii (NBIKS) i transgumanisticheskaya ehvolyutsiya. Pod red. prof. D.I. Dubrovskogo [Global Future 2045. Convergent Technologies (NBIKS) and transhumanist evolution. Ed. prof. D.I. Dubrovsky], Moscow: MBA publ., 2013, pp. 193-202. (in Russian)
- [10] **Turchin A.V., Batin M.A.** Bessmertie [Immortality] <http://ru.scribd.com/doc/Bessmertie> (accessed 28.05.2013). (in Russian)
- [11] **Fedorov N.F.** Collected Works in 4 volumes. Volume II. Moscow: Progress publ., 1995, 544 p. (in Russian)
- [12] **Osipov A.** Posmertnaya zhizn'. Besedy sovremennogo bogoslova [Posthumous life. Conversations with a modern theologian] <http://www.wco.ru/biblio/books/osip17/H09-T.htm> (accessed 28.05.2013). (in Russian)
-

Сведения об авторе

Дёмин Илья Вячеславович, 1983 г. рождения. Окончил Самарский государственный университет в 2005 г., к.филос.н., доцент кафедры философии Самарского государственного аэрокосмического университета имени академика С.П. Королева (национальный исследовательский университет). В списке научных трудов более 30 статей, 2 монографии в области неклассической философии истории, философии русского космизма и философских оснований трансгуманизма.

Ilya Viacheslavovich Demin (b. 1983) graduated from the Samara State University in 2005, PhD. He works as an Assistant Professor at the Department of Philosophy of Samara State Aerospace University named after academician S.P. Korolyov (National Research University). He is the author of more than 30 scientific articles, 2 monographs in the field of nonclassical philosophy of history, Russian cosmism philosophy and the philosophical foundations of transhumanism.